

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

АРХИТЕКТОНИКА ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070000313-1

М.А. Мануильский

**Мануильский
Максим**

Анатольевич — кандидат философских наук, заместитель главного редактора журнала “Человек”, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. E-mail: manuil'skiy@mail.ru

Название статьи восходит к заголовку текста М.М. Бахтина “Архитектоника поступка”, опубликованного 1986 году [1]¹, и удачно схватывает логику, конфигурацию исследуемого предмета. Идентичность не обладает такой же универсальностью, как поступок. Вместе с тем это фундаментальная антропологическая категория. Первая форма идентичности — инициация (наделение подростков “взрослыми” ролями) появилась еще в древние, архаические времена. Ее современным пониманием как сложным феноменом мы обязаны Модерну. По словам Ж.-Ф. Лиотара, “современность... допустила раскол жизненной целостности на независимые специальности, представленные узкой компетенцией экспертов” [10, с. 13]. Модерн стимулировал образование в недрах классической просвещенческой модели (Я-концепция) нового конструкта — системы (совкупности) идентичностей. Просвещенческая модель была предложена Кантом: “Человек может осознавать (происходящие. — М.М.) изменения только потому, что в различных состояниях он представляет себя как один и тот же субъект” [7, с. 365]. На смену пришла другая парадигма: подлинное бытие индивида достигается путем позиционирования себя, принадлежащим к различным социально-культурным общностям и группам. *Уникальность* должна обязательно выражаться через *множественность*. Соответственно, в науках о человеке идентичность стала рассматривается как паттерн, одна из узловых точек в тематическом поле различных дисциплин — философии [14], антропологии [12], культурологии, социологии [13], психологии и т.д. Основной дискуссионный вопрос в данной связи — набор элементов.

Для человекознания рассматриваемая проблема имеет первостепенное значение — человек является предметом многих наук, вместе с тем человекознание призвано исследовать образ, мир человека в единстве субъективных и объективных сторон, — именно на границе этих двух миров формируется идентичность.

В литературе практически отсутствуют структурные модели (модели структуры) идентичности, которые бы удовлетворяли хотя бы часть специалистов. Наиболее часто встречающийся подход — структурировать идентичность в зависимости от дисциплинарных задач. В настоящей статье мы попытаемся построить классификацию, используя культурно-антропологическую оптику, представить систему элементов идентичности как выражение природы человека и ее составляющих. Но прежде проанализируем предшествующий опыт.

Авторы монографии “Идентичность как навигатор сознания” предложили следующую классификацию форм (видов) идентичности:

- социальная (включает такие формы идентичности, как культурная, социетальная, политическая, профессиональная, религиозная, сетевая, клубная, корпоративная, а также идентичности малых групп);
- социоприродная (геополитическая, цивилизационная, гендерная, возрастная, квир-идентичность²);
- природная (идентичность рода, вида, экосистемы, географического пространства, популяции, геологического образования, минерала, “темной материи”, “темной энергии”, сверхновой звезды);
- ментальная (логико-математические конструкции и модели, мода, парадигмы науки и художественного творчества, политико-идеологические нарративы, бренды и др.);
- артефактная (идентичность видов техники, предметов культуры, объектов социальной инфраструктуры и ее элементов);
- идентичность виртуальной реальности (импрессионная, коммуникативная) [14, с. 81].

Существуют и не столь развернутые типологии, как вышеприведенная; довольно часто авторы ограничиваются выдвиганием критериев или ключевых понятий феномена. Эрик Берн, основатель транзакционного анализа, сформулировал три основополагающие идентичности — “родитель”, “взрослый”, “ребенок”; по мысли ученого с помощью соответствующих метафор можно описать все богатство человеческих отношений. П. Бергер и Т. Лукман обосновывают мысль, что типы идентичности отражают *диалектику взаимосвязи* индивида и общества [2, гл. “Теория идентичности”]. В.А. Тишков полагает, что невозможно говорить об устойчивой структуре: важнейшие современные формы идентичности “находятся в постоянном дрейфе, имеют как конструктивистскую, так и примордиальную природу, пребывают в постоянном соперничестве за собственную приоритетность, но чаще всего имеют множественный и не взаимоисключающий характер” [17, с. 74].

Таким образом, следует констатировать, что идентичность рассматривается как сложносоставной феномен, отражающий различные аспекты и срезы общества, с которыми опосредо-

¹ В 1986 году автор работал в “Социологических исследованиях” и принимал участие в подготовке к публикации статьи М.М. Бахтина. Исходно это был оригинальный бахтинский текст никак не озаглавленный. Понятие “архитектоника” впервые упомянуто мыслителем в “Философии поступка” и, по мнению публикаторов, адекватно отражало содержание рассматриваемого материала. Последующая судьба статьи свидетельствует, что название прижилось.

² Квир (англ. queer — “странный”) — термин используется для обозначения любой, не соответствующей традиционной, модели поведения и идентичности.

ванно, через призму “самости” отождествляет себя индивид. Эта *конструктивная* роль личности подчеркивается многими исследователями, различается только набор элементов “внутренней” конфигурации идентичности; чаще всего упоминают когнитивный, оценочный и поведенческий модусы идентичности. Так, по мысли Л.М. Дробижевой, в “коллективных идентичностях... содержатся когнитивные, эмоциональные и регулятивные составляющие” [5, с. 12]. В упомянутой монографии “Идентичность как навигатор сознания” выдвигается близкая точка зрения: идентичность включает три уровня (пласта) — когнитивный, коннотативный (контекст), эмотивный (эмоциональное отношение) [14, с. 74]. Автор также придерживается мнения о существовании явленных и латентных составляющих феномена. Метафорически идентичность можно представить в виде перевернутого айсберга: большая, надводная часть которого — публично демонстрируемая индивидом позиция, меньшая, подводная часть — соображения и интенции преимущественно интимного свойства.

При всей эвристической важности выделения в структуре идентичности “внешнего” контура и внутренней интенциональности нам представляется, что необходимо, прежде всего, определить ее онтологическое, культурно-антропологическое содержание. По нашему мнению, **идентичность** — это самохарактеристика субъекта, представляющая собой относительно автономное ментальное образование содержащее *ролевые предписания* (включая требуемые для их выполнения качества, навыки, задатки) и *статусы* (самоотождествление индивида с определенной группой с соответствующими правами, обязанностями и символическим капиталом).

В этой дефиниции уже предполагается первичная структурная дифференциация, во-первых, по объекту локализации — ролевые предписания (например, отец, отцовство), кластер в социально-культурной общности, с которым себя отождествляет субъект (в данном случае семья). Во-вторых, подразумевается, что в структуре идентичности существует внешний контур, который задается, прежде всего, социумом, и внутренняя интенциональность³. В данной связи необходимо акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. С одной стороны, набор сконструированных индивидом идентичностей отражает основной репертуар социальных предписаний, образующий социум. С другой, совокупность идентичностей, которых придерживается личность, представляет собой ее *актуальное самосознание*.

Человеческая идентичность — многосоставный феномен, который имеет *иерархическую* структуру. Подобная точка зрения в литературе высказывалась: “здесь может быть два варианта — иерархическая система (содержит как доминирующие, так и подчиненные компоненты) и референциальная (в рамках которой все элементы системы равнозначны)” [там же, с. 78].

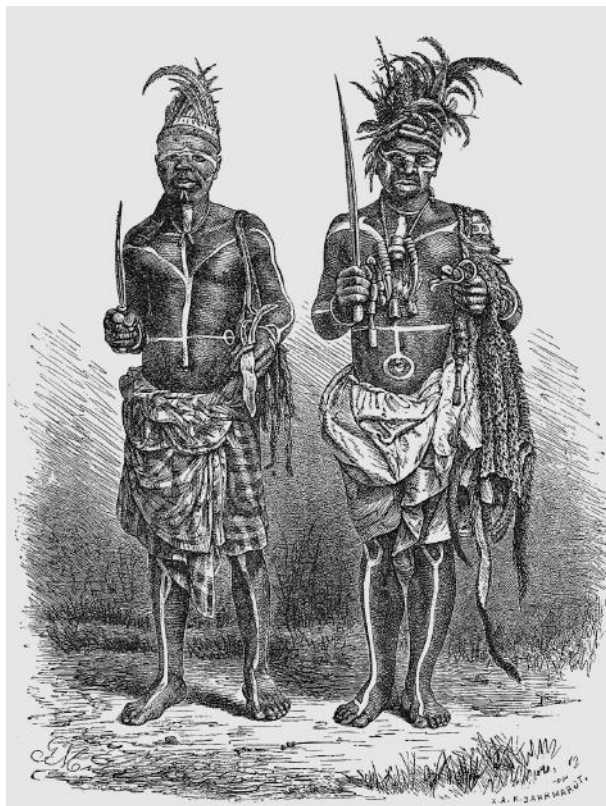
³ В терминологии Р. Дженкинса — номинальные “действительные” [параметры], приписываемые извне, и идентичности изнутри, выражающиеся в ассоциации с коллективным именем [5, с. 2]

Мы считаем, что идентичность как “идеальный тип” организована иерархически, по логике от абстрактного к конкретному, то есть имеет ядро, стержень, вокруг которого последовательно располагаются примыкающие друг к другу элементы.

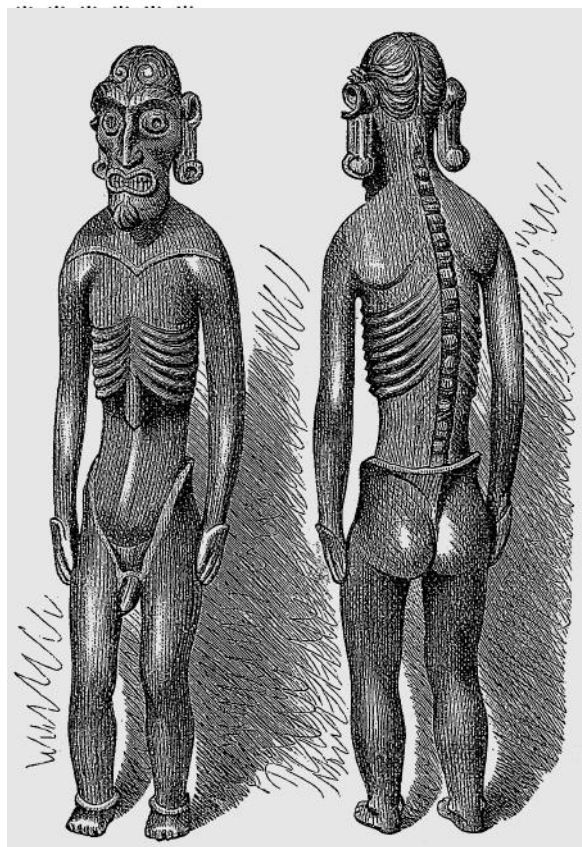
Система идентичностей субъекта включает следующие основные элементы: родовая идентичность; гендерная (мужская / женская); национальная (этническая); конфессиональная; поколенческая; семейно-родственная; гражданская; профессиональная (трудовая); экзистенциально-креативная.

Ядро, стержень системы идентичностей образуют представления о человеческой сущности, о происхождении человека, его местоположении в окружающем мире (Космосе), о его предназначении в мире. В мифотворческом сознании людей эти представления приобретают форму вопросов: кто мы? откуда мы? куда мы? зачем мы? Мифология, как известно, имеет синкретичный характер. Но именно в ее рамках у человека появляется осознание себя как внеприродного существа, ощущение наличия внутреннего мира. В его глубинах зародились первые “праидентичности” — тотемизм, анимизм, зоолатрия и т.п. [15]. Предстоял длительный путь эволюции, в ходе которого у *homo sapiens* сформировались интеллектуальные средства, способные создать сложную ментальную конструкцию, называемую родовой идентичностью, суть которой состояла в поисках соответствия микрокосма макрокосму. У человека разумного возник набор способностей, которые предопределили возможность и необходимость возникновения феномена идентичности: способность к первичному различению объектов (как альтернатива синтезу) [3, с. 2], импринтинг, эмпатия, комплиментарность, альтруизм, партиципация (сопричастность) и др. Важнейшей способностью в этом ряду стала свобода воли, которая открывает возможность экзистенциального выбора; именно его последствия “оформляет” идентичность как приверженность выбранной альтернативе.

Одной из этапных вех на этом пути стало возникновение представлений о Добре и зле, как основополагающей констан-

Колдуны с берегов реки Конго (Центральная Африка). По фотографии д-ра Фалькенштейна). Из кн.: Ратцель Ф. Народоведение. СПб.: Тов. “Просвещение”. 1904. Т. 1. С. 58

Изображения предков с острова Пасхи (Мюнхенский этнографический музей). Из кн.: Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1. С. 301

гордо!” до призывов детишек из мультфильма: “Баранкин, будь человеком!). Но подлинный материал для конструирования идентичности “человек” может дать и дает теоретическая мысль. Последним по времени подобным концептом следует считать “Всеобщую декларацию прав человека” (принята Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1948 года). Попутно отметим, что интеллектуальные конструкты составляющие содержание родовой идентичности представляют собой ядро теоретического самосознания индивида.

Родовая сущность — это, как уже отмечалось, абстракция, в реальной жизни существуют мужчины и женщины. В их взаимодействии воспроизводится род человеческий. Сегодня самоопределение мужчин и женщин характеризуется понятием *гендерная* идентичность. Содержание последней выходит за рамки природно-биологических характеристик человека и несет, прежде всего, социально-культурную нагрузку. Говорить о том, сколько копий сломано по поводу феминизма, гендера, сексуальной революции, не имеет смысла и небезопасно: любое суждение рассматривается под лупой политкорректности. Считаю, что степень радикализма в дискурсе на данную тему зашкаливает. Ведь число борцов за гендерные права год от года

те человеческого существования. Выбор между ними — ключевой механизм идентичности. Направлены ли твои поступки на достижение блага, гармонии, справедливости, счастья, процветания, с одной стороны, а с другой — что препятствует этому (где локализуется зло), каковы возможные и — что особенно важно, — каковы допустимые способы преодоления этих препятствий, то есть борьбы со злом? Именно осознание этих проблем составляет суть родовой идентичности. Последняя имеет примордиальную природу, то есть выражает в концентрированном виде метафизику объекта. Родовая идентичность — это своего рода идеальный тип, абстракция не имеющая эмпирических референтов. В реальной жизни человек может задумываться и задумывается о своей принадлежности к роду человеческому (в искусстве подобные мысли выражались бесчисленное число раз — от горьковского “Человек — это звучит

только прибавляется: геи, лесбиянки, бисексуалы, транссексуалы... Мне кажется, в данном вопросе надо руководствоваться чувством меры — не только в силу принципов морали, но из простого чувства самосохранения. Деформация человеческой природы не проходит безнаказанно. Общество, декларируя приоритет прав человека, должно отдавать себе отчет, что человек живет в мире идентичностей, система которых обладает единым, общим для всех составляющих экзистенциальным потенциалом; “раздувание” значимости одного элемента будет происходить за счет “скукоживания” потенциала другого элемента; в частности, преувеличение роли гендерной составляющей отрицательно скажется на родовой, человеческой идентичности.

Оценивая ситуацию в целом, нельзя не признать историческую обоснованность феминизма. В воспроизводстве рода человеческого мужчина и женщина равно необходимые партнеры, прежде всего, с природно-биологической точки зрения. Дисбаланс их социально-культурных ролей сложился исторически и нарастал столетиями. К эпохе Модерна жизненное пространство женщин жестко структурировалось, свелось до знаменитых четырех “К” (Kinder, Küche, Kirche, Kleiden — дети, кухня, церковь, одежда⁴). Это обеспечивало определенную стабильность ролей и статусов, но вместе с тем сковывало внутреннюю свободу и жизненные силы, что деструктивно сказывалось на предназначении женщины как родового существа. Прекрасное из доминанты повседневности переместилось в сферу искусства, идентичность “женщина” стала маркироваться произведениями живописи, пусть и принадлежащими кисти великих мастеров.

Темпоральный аспект человеческого существования выражает *поколенческая* идентичность. Основным возрастным периодам нашего жизненного пути (детство, отрочество, юность и т.д.) присущи свои особые конфигурации самовосприятия⁵, причем содержание последнего на данном этапе не является суммой предшествующих самооценок, но каждый раз представляет собой результат переосмысления пройденного жизненного пути [18]. Поколенческая идентичность маркирует важнейший модус человеческой природы — представление о жизненном пути индивида как целостном поступательном движении, которое в любой своей точке есть взаимодействие *прошлого, настоящего и будущего* (целесообразно в данной связи выделять в структуре накопленную, актуальную и планируемую идентичность). Необходимо особо подчеркнуть: без представления о будущем немислимо полноценное человеческое существование. В истории культуры — это относительно недавнее приобретение. До эпохи Модерна (с его идеей прогресса) для обывателя нормативные представления о будущем считались недостижимыми в земной жизни. Во всяком случае картины Страшного суда, Рая, Ада как образы (возможные исхо-

⁴ В современном сленге: “шмотки” или более благозвучное “шопинг”.

⁵ Периодизацию жизненного пути открывает младенчество, но, думаю, о самооценке в рассматриваемый период говорить не имеет смысла; впрочем, последователи трансперсональной психологии, по-видимому, считают подобной самооценкой “родовую травму”.

ды) будущего не выступали регулятивами поведения в конкретных ситуациях. Сегодня в массовом сознании — планирование будущего и своего места в нем — вполне конкретная, просчитываемая задача. Конечно, и здесь не обходится без утопий (вспомним знаменитый лозунг “Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!”). Но в принципе для современного человека, в том числе пожилого, открытость будущему — реальная жизненная установка.

Национальная (этническая) идентичность. В понимании сущности этноса (нации)⁶ можно выделить несколько точек зрения: 1. Этнос врожденное качество личности. 2. О группе людей как об этносе можно говорить только при наличии у ее представителей общего самосознания; в последнем случае идентичность правомерно отождествлять с самосознанием. Но при таком очевидном, на первый взгляд, посыле возникает масса новых проблем (о которых чуть ниже). 3. Становление национальных государств и образование вместе с ними наций в современном понимании относится к Новому времени. Национальная идентичность складывалась тогда рука об руку с гражданской идентичностью. Соответственно, возникает вопрос: что в нации идет от “этничности”, а что от “Левиафана”? В условиях глобализации обозначенный вопрос приобретает особую остроту — происходят радикальные изменения в конфигурации популяций и статусе государств.

Как бы ни понималась этничность, ключевым моментом для нее оказывается язык. Ясно, что вне языка никакая культурная общность существовать не может: он — средство коммуникации и условие формирования самосознания (идентичности). Однако что считать этничностью, если разные нации используют один язык? Понятно, что культурная конфигурация этноса складывается не только на основе используемого языка, есть еще религиозные верования, традиции, обычаи, различные культурные коды. Но идентичности этносов, близких “по крови”, изъясняющихся на разных языках, будут отличаться (и отличаются). Выскажу крамольную, на первый взгляд, мысль: конечно, язык — ключевой момент национальной идентичности. Но сам язык, язык как таковой — это из сферы родово́й идентичности. Это интеллектуальный ресурс, без которого невозможны самоописание, самотождественность индивида.

Важнейшим культурно-антропологическим видом идентичности выступает приверженность тем или иным религиозным представлениям, или *конфессиональная* идентичность. Исторически религиозный взгляд на мир — это первая форма мировоззрения. Но говорить о существовании “мировоззренческой” идентичности некорректно. Мировоззрение не интернационально, оно имеет тотальный, всеобщий характер, сочетает микрокосм и макрокосм. Иными словами, оно служит *предпо-*

⁶ В данном разделе этнос и нация используются как синонимы.

сылкой всякой идентичности, поскольку только константы мировоззрения могут стать объектами предпочтения. Но из этого логически не следует универсальный характер религиозной картины мира.

Высказывается мнение (и не только сторонниками креационизма), что религиозное чувство — неотъемлемый атрибут человеческой природы. Зарождение веры в сверхъестественное на начальных этапах эволюции homo sapiens не вызывает сомнения [9]. С этой точки зрения религиозную идентичность можно рассматривать как “конкретизацию” родово́й идентичности. Суть формирующегося феномена заключается, по нашему мнению, в построении в ментальной сфере *параллельной реальности* как важнейшего механизма сознания, наряду со способностью к первичному различению [3, с. 2]. Принципиально важно, что эта реальность, хотя и содержит конкретные элементы, процессы, происходящие в окружающем мире (разгул природных стихий, например), оказывается результатом ментального конструирования. Последнее выражает заложенную в человеческой природе способность к творчеству, проявляющуюся в данном случае в магии, колдовстве, анимизме и пр. [9, гл. VI, VIII; 17, гл. XIX]. Соответственно, сакральная реальность наполнена результатами ментального творчества человека — божествами, духами, тотемными животными. Все эти и подобные им “перевоплощения” субъектов (персонажей), населяющих внутренний мир людей, можно с полным правом рассматривать как религиозно-мифологические праидентичности.

С развитием цивилизации, особенно со становлением мировых религий религиозная идентичность приобрела институционализированные формы и превратилась в важнейший культурный регулятив. Вне религиозной идентичности человек не мог рассчитывать на полноценную жизнь в социуме. На поддержание такого статуса работали различные механизмы, в том числе бесчеловечные (инквизиция, например). Ситуацию не изменили кризис средневековой церкви и последующая затем Реформация. Только преобразование картины мира в эпоху Модерна внесло существенные коррективы в содержание и статус религиозной идентичности. Сегодня в большинстве европейских стран, придерживающихся принципов толерантности и политкорректности, позиционирование религиозной идентичности не считается обязательным требованием. Религиозность не рассматривается препятствием в профессиональной карьере, в выборе брачного партнера, не является ограничением в выборе форм проведения досуга. В то же время приверженность религиозным ценностям придает личности дополнительную респектабельность.

Семейно-родственные идентичности. Конечно, ведущая роль в этом тандеме приписывается семье — как ни парадоксально в силу того, что в эпоху постмодерна институт семьи

Семь возрастов человека. Человек бывает сначала младенцем — 1, затем мальчиком — 2, потом отроком — 3, затем юношей — 4, после этого мужем — 5, затем стариком — 6, наконец, дряхлым стариком — 7. Так и другого пола — бывает младенец-девочка — 8, девочка — 9, девушка — 10, женщина — 11, пожилая женщина — 12, старуха (дряхлая).

Ян Амос Каменский. Мир чувственных вещей в картинках. Примечательно, что род человеческий позиционирован автором представителями обоего пола как равноценными существами

испытывает кризис. Вместе с тем набирает силу процесс обращения к своим корням. Растет интерес к предкам, роду, биографиям родственников. Знание родословной рассматривается не просто как дань уважения предкам, но как существенный жизненный ресурс, слагаемое символического капитала.

Одним из действенных факторов преемственности поколений выступают семейные династии. Долгое время корпорации ремесленников и мастеровых были по преимуществу семейными общностями. В эпоху массовых обществ семейственность перестала быть организующим принципом профессиональной жизни. Сегодня упомянутый принцип постепенно возвращается к жизни. Во всяком случае в России. Об этом свидетельствуют результаты масштабного социологического исследования “Инженерные династии России”, проведенного в 2015–2017 годах в нескольких крупных российских городах. Опрашивались студенты вузов технического профиля [6]. В современных условиях династии — серьезный кадровый резерв профессий и ресурс поддержания высоких стандартов корпоративной культуры. Согласно полученным данным, численность студентов, выбравших профессию инженера, руководствуясь семейными, “династийными” традициями, достаточно высока.

Царственная чета в окружении придворных (шут, первый министр — хитрец-проньера, ученый, составитель геральдического древа, проситель). Аллегория власти, вышедшая из-под пера Гете (поэма “Рейнике-лис”) и визуализированная выдающимся гравером XIX века Вильгельмом Каульбахом. Власть как концентрированное выражение гражданской идентичности

Причем в ответах отчетливо просматривается, что позиционирование себя в качестве будущего инженера для опрошенных не менее важно, чем “быть студентом”, то есть человеком, получающим высшее образование. Доля “династийных” респондентов составила 60%, эти студенты являются “вторым” (и выше) поколением инженеров. Существенно ниже число опрошенных студентов, в ближнем и дальнем родственном окружении которых нет ни одного родственника-инженера — таковых 27%. Необходимо подчеркнуть, что зафиксированная в исследовании приверженность семейным традициям — это полноценная идентичность. Об этом говорит разнообразие мотивов выбора профессии инженера: “престижная профессия”, “достойный заработок”, “возможности карьерного роста”,

“хорошие условия труда”, “возможность самостоятельно принимать решение на своем рабочем месте”, “возможность приносить пользу обществу”.

Таким образом, семейно-родственная идентичность представляет собой востребованный элемент символического капитала.

Для цивилизованного человека важнейшую роль играет *гражданская* идентичность, хотя в культурно-антропологическом отношении базовыми выступают семейно-родственные отношения. Гражданская идентичность и сопредельные с ней виды изучены достаточно хорошо [4; 11]. Мы будем опираться на трактовку, предложенную Л.А. Дробижевой: “Под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, “образ мы”, чувство общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве” [5, с. 2]. Учитывая реалии современной России, мы бы добавили еще — участие в политической жизни, общественных движениях на разных уровнях, степень патриотических чувств. Приведенная формулировка это *differentia specifica*. Если же рассматривать феномен широко, как осознание человеком своего местоположения в культурно-географическом пространстве, то локализация может быть самой разной — от “гражданина мира” до приверженности ценностям малой родины (“мы псковские”).

Профессиональная (трудовая) идентичность. Для любого человека работа, труд это основополагающая линия жизненного пути. Действительно, в самых разных общественно-экономических формациях, эпохах общественное признание человека (и мужчины, и женщины, ребенка в дееспособном возрасте) определялось, прежде всего, по его способности к полезной деятельности, умению добывать “хлеб насущный”. “Работающий”, “работающая” — исчерпывающая оценка личности как полноценного члена общества (семьи); усердно трудиться — ключевое требование этических кодексов разных народов (глубокое теоретическое обоснование оно получило в знаменитой “Протестантской этике” М. Вебера).

В понимание антропологической значимости труда огромный вклад внес марксизм — от анализа роли труда в становлении человека до оценки его как базиса воспроизводства общества и трактовки отчуждения труда как источника эксплуатации. Понятно, что концепция труда может лишь опосредованно маркировать существующие в данной сфере идентичности. В их основе лежат те или иные ценности. В самом общем виде последние можно разделить на терминальные (конечные) и инструментальные (текущие). Соответствующим образом будут конструироваться и профессиональные идентичности (при этом надо учитывать влияние на них таких важных факторов, как характер и содержание труда [выполняемых производст-

венных обязанностей], общий и непосредственный культурный контекст субъекта идентичности, возраст и другие параметры). “В качестве терминальных могут выступать ценности, определяющие *направленность* профессиональной самореализации личности (профессиональные потребности и интересы, цели, мотивы, идеалы, возможность использовать свои способности и знания в работе). В отличие от них инструментальные ценности могут быть связаны с процессом труда (трудолюбие, конкурентоспособность и т.п.), с результатом труда (достойное вознаграждение, авторитет и влияние в организации и т.п.), условиями труда (безопасность труда, удобный рабочий график и т.п.)” [16, с. 147].

Перечисленные параметры можно рассматривать как слагаемые профессиональной идентичности или как критерии оценки ситуации, на основе которой формируется идентичность. Сегодня все большую роль в ее конструировании играют корпоративные традиции, кодексы профессиональной этики. В них детализированы и терминальные, и инструментальные ценности; конкретная же конфигурация документа во многом зависит от идеологии компании (организации). Не вдаваясь в анализ действующих кодексов, отметим, что ведущий тренд в нынешнее время характеризует труд как источник самореализации, самосовершенствования, при котором терминальное содержание главенствует над остальными возможными [там же].

При всей фундаментальной важности работы, труда они, зачастую, воспринимаются человеком как сфера необходимости. Между тем люди всегда стремятся в царство свободы. В данном случае речь идет не только о так называемом свободном времени, досуге. Современный человек рассматривает жизненное пространство, лежащее за пределами деловой активности, профессиональной успешности, как поле разнообразных творческих возможностей. Возникающие здесь перспективы и представления можно охарактеризовать как *экзистенциально-креативную идентичность*. Возможность удовлетворить здесь свои потребности, с одной стороны, и реализовать способности, с другой — личность позиционирует как обязательное условие полноценной жизни, жизненного успеха.

Предложенная модель включает элементы, составляющие важнейшие модусы (проявления) человеческой природы, с помощью которых индивид преподносит себя в окружающем мире. *Личность позиционирует себя, прежде всего, как существо, принадлежащее роду человеческому, являющееся женщиной/мужчиной определенного возраста, определенной национальности; [является индивидом] с определенными представлениями об окружающем мире, локализованными в мировоззрении, исторически, первой формой которого была религия, [является человеком], живущим в семье, которая выступает основой социума и государст-*

ва, гражданином которых он обязан быть и воспроизводство которых он обеспечивает с помощью профессиональной деятельности, последняя выступает сферой реализации его способностей и талантов наряду со сферой досуга. Понятно, что между основными идентичностями, как и между сферами жизнедеятельности, не существует непреодолимых границ; каждый элемент имеет качественную определенность, но при этом они взаимодействуют между собой.

Насколько полон предлагаемый перечень? Мы включили в него идентичности, позиционирующие основные модусы человеческой природы, — пол, жизненный путь, как пространство проявления человеческого, способность конструировать облик окружающего мира, свое место в нем, — первичный (базовый) социально-культурный институт человеческого существования (семья), способность в цивилизованной форме управлять себе подобными, способность творчески-результативно преобразовывать окружающую действительность и себя самого. Разумеется, жизненный мир людей неисчерпаем. Скажем, важное место в жизнедеятельности занимают взаимодействия с животными. Но выделять данный кластер как предмет идентичности вряд ли целесообразно.

Как уже отмечалось, важнейшую роль в феномене идентичности играют ценности. Явление может стать объектом идентичности, только если оно обладает ценностью в глазах индивида или социума. Человек, равнодушный к семейной жизни, не будет конструировать соответствующую идентичность или создаст псевдоидентичность (имитацию образа); в последнем случае это происходит, когда человек не желает публично нарушать нормы и требования общества. Идентичность, таким образом, включает не сами ценности, она есть воплощение “отнесения к ценности” — конструкта, предложенного М. Вебером.

Перечисленные виды идентичности в реальной жизни не представлены в “чистом” виде. Скажем, в дискурсе феминисток непременно присутствуют элементы гражданской идентичности (права человека), к ее репертуару апеллируют и глобалисты и т.д. “Взаимопроникновение” получило признание и в науке. Любая анкета содержит так называемый “соцдем” — блок (пол респондентов, их возраст, уровень образования). При необходимости эти показатели рассматриваются в связи с основными характеристиками, что имеет большой эвристический смысл.

Трактовка важнейших форм (слагаемых) идентичности менялась вместе с эволюцией основных социальных институтов, государства, форм производства, религии и т.д. Сегодня набор идентичностей в различных обществах и культурах чрезвычайно многообразен, человек практически ничем не ограничен в своем выборе. Этот выбор не только фиксирует

status quo, что придает человеку чувство укорененности в бытии. Вместе с тем идентичность призвана находить в многообразии возможностей точки роста, взаимосвязанные с природой человека.

Литература

1. Бахтин М.М. Архитектоника поступка // Социологические исследования. 1986. № 2.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
3. Беспалов О.В. Удовольствие различения в абстрактной живописи и литературном нонсенсе // Человек. 2018. № 1. С. 2.
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: РОССПЭН. 2013.
5. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1.
6. Колесникова Е.М. Инженерные династии и перспективы профессиональной биографии студентов инженерных вузов // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1.
7. Кант И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1972. Т. 6.
8. Кон И.С. Открытие "Я". М.: Политиздат, 1978.
9. Леви-Брюль Л.Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
10. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма. 1982–1985 / Пер. с фр. А.В. Гараджи. М.: Рос. гуманит. у-нт. 2008.
11. Листвина Е.В. Гражданская идентичность: потенциал интеграции современного российского общества // Человек. 2018. № 2.
12. Расторгуев М.В. Кризис "антропологии самотождественности" в современной культуре. М.: Амфора, 2006.
13. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3.
14. Тхагансоев Х.Г., Мосолова Л.М., Леонов И.В., Соловьева В.Л. Идентичность как навигатор сознания. СПб.: Астерион, 2016.
15. Тейлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. // Под ред. В.К. Никольского. М.: Соцгиз, 1939.
16. Темницкий А.Л. Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд работающего населения России (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3.
17. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
18. Шмерлина И.А. Особенности возрастной самоидентификации в старшем возрасте // Социологический журнал. 2014. № 1.